

DOI: [10.14515/monitoring.2022.3.2076](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2076)

Д. В. Крылова, А. А. Максименко

ЕСТЬ ЛИ У РОССИЙСКОГО КОРРУПЦИОНЕРА СОВЕСТЬ? ОСОБЕННОСТИ ПРИНЯТИЯ ЭТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ РОССИЙСКИМИ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ СЛУЖАЩИМИ

Правильная ссылка на статью:

Крылова Д. В., Максименко А. А. Есть ли у российского коррупционера совесть? Особенности принятия этических решений российскими государственными служащими // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 3. С. 230—253. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2076>.

For citation:

Krylova D. V., Maksimenko A. A. (2022) Does a Russian Corrupt Official Have Conscience? Peculiarities of Ethical Decision-Making by Russian Civil Servants. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 230–253. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2076>. (In Russ.)

ЕСТЬ ЛИ У РОССИЙСКОГО КОРРУПЦИОНЕРА СОВЕСТЬ? ОСОБЕННОСТИ ПРИНЯТИЯ ЭТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ РОССИЙСКИМИ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ СЛУЖАЩИМИ

КРЫЛОВА Дина Владимировна — заведующая проектно-учебной лабораторией антикоррупционной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: krylovadv@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5069-0319>

МАКСИМЕНКО Александр Александрович — доктор социологических наук, кандидат психологических наук, профессор, эксперт проектно-учебной лаборатории антикоррупционной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: Maximenko.AI@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-0891-4950>

Аннотация. В работе исследуются этические предпосылки коррупционного поведения публичных должностных лиц с точки зрения этической идеологии и внутриведомственной культуры. На основе серии фокусированных экспертных интервью, а также модели принятия этических решений Ш. Ханта и С. Вителля был проведен анализ мотиваций к асоциальному поведению, обуславливающих вовлеченность должностных лиц, осуществляющих функции, при реализации которых наиболее вероятно возникновение коррупции. Было выдвинуто и доказано предположение, что российские чиновники, склонные к коррупции, обладают обоснованным мнением в пользу идеологии, являющейся компромиссом

DOES A RUSSIAN CORRUPT OFFICIAL HAVE CONSCIENCE? PECULIARITIES OF ETHICAL DECISION-MAKING BY RUSSIAN CIVIL SERVANTS

*Dina V. KRYLOVA*¹ — Head of the Laboratory for Anti-Corruption Policy
E-MAIL: krylovadv@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5069-0319>

*Aleksandr A. MAKSIMENKO*¹ — Dr. Sci. (Soc.), Cand. Sci. (Psych.), Professor, Expert at the Laboratory for Anti-Corruption Policy
E-MAIL: Maximenko.AI@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-0891-4950>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. The article examines the ethical prerequisites for the corrupt behavior of public officials from the point of view of ethical ideology and intradepartmental culture. Basing on a series of focused expert interviews and using the model of ethical decision-making by Sh. D. Hunt and S. J. Vitell, the study analyzes the motivations for antisocial behavior that determine the involvement of officials performing functions that are most likely to cause corruption. The authors suggest and prove that Russian officials prone to corruption have a reasonable opinion in favor of an ideology that is a compromise between the harm from the legal consequences of the considered ethical issue and the potential benefits. They are convinced that ethical decisions should

между вредом от правовых последствий рассматриваемого этического вопроса и потенциальными выгодами. Они убеждены в том, что этические решения должны приниматься ситуативно, а их этическому сознанию свойственна высокая степень релятивизма, поддерживающая личные моральные стандарты и отвергающая универсальные моральные принципы и постулаты этического кодекса государственных служащих.

Ключевые слова: образ совести у чиновника, социальное сравнение, этическая идеология, модель принятия этических решений Ханта — Виттеля, психология коррупции

be made on a case-by-case basis. Their ethical consciousness is characterized by a high degree of relativism, which supports personal moral standards and rejects universal moral principles together with postulates of the ethical code of public servants.

Keywords: image of conscience of an official, social comparison, ethical ideology, Hunt–Wittel's model of ethical decision-making, psychology of corruption

Совесьть твоя никогда не должна определяться социальностью, социальными группировками, мнением общества, она должна определяться из глубины духа, то есть быть свободной, быть стоянием перед Богом, ты должен быть социальным существом, то есть из духовной свободы определить свое отношение к обществу и к вопросам социальным...
Николай Бердяев. О назначении человека.
Опыт парадоксальной этики

Введение

Проблема несоответствия между декларируемыми этическими ценностями и реализуемым на практике поведением государственных служащих, осуществляющих функции в сферах государственного управления с высоким коррупционным риском, представляется в настоящее время крайне важной. Как было показано нами в одном из последних исследований [Крылова и др., 2021], пандемия COVID-19 еще больше актуализировала публичные дискуссии вокруг проблем обеспечения неукоснительного следования декларируемым целям государственного регулирования. Отступление от этических принципов увеличивает коррупционные риски и подрывает общественное доверие, что особенно остро проявляется в ситуации создавшейся инфодемии [Дейнека, Максименко, 2020] и глобальной паники. Для предупреждения коррупционно мотивированных действий государственных и муниципальных служащих необходимо понимание механизмов принятия решений с точки зрения этики и морали должностными

лицами, осуществляющими функции, при реализации которых наиболее вероятно возникновение коррупции.

Приблизиться к пониманию принятия чиновниками, склонными к коррупции, решений, непосредственно связанных с вопросами профессиональной и универсальной этики, на наш взгляд, позволяет широко известная среди маркетологов модель этики Шелби Ханта и Скотта Вителля [Hunt, Vitell, 1986], если ее экстраполировать на сферу общественных отношений в коррупционно опасных сферах взаимодействия должностных лиц органов власти и бизнеса/граждан. Анализ широкого спектра научных публикаций, затрагивающих тему мотивации при принятии этических решений, а также результаты проведенного нами исследования и собранного в ходе экспертного интервьюирования материала, позволили выявить условия транспонирования вышеуказанной модели применительно к поведению российских чиновников, демонстрирующих склонность к коррупции [Zitha, Mathebulu, 2015].

Использование модели принятия этических решений Ханта — Вителля применительно к исследованию этических установок государственного служащего отличается прежде всего тем, что деятельность должностных лиц, действующих от имени государства, осуществляется в общественных интересах или, как сформулировано в Конституции Российской Федерации (ст. 3, п. 2)¹, в интересах народа, и с этим связано большое число правовых и моральных ограничений, лимитирующих действия чиновника. Преследование последним личных интересов вопреки служебному долгу квалифицируется как социально опасное деяние, а именно — как дисциплинарное или как административное нарушение либо как должностное преступление, и предусматривает соответственно дисциплинарное взыскание или административное либо уголовное наказание.

В отличие от должностного лица (или учреждения/организации, контролируемой органом власти), потребитель выступает в своих личных интересах. Если при этом он нарушает общепризнанные этические общественные нормы, но формально соблюдает законодательство, его действия не могут быть административно или уголовно наказуемыми.

Поведение потребителя во взаимоотношениях с продавцом с точки зрения экономического подхода рассматривается как взаимодействие контрагентов в рамках контрактных отношений. Согласно неонституциональной теории, контрагенты таких отношений нередко проявляют склонность к оппортунистическому поведению, выражающемуся в преследовании личной выгоды с использованием коварства, «включая такие явные формы обмана, как ложь, воровство, мошенничество», а также предоставление неполной или искаженной информации, особенно когда речь идет о преднамеренном обмане, введении в заблуждение, искажении и сокрытии истины [Williamson, 1985: 44—52].

Для чиновников тоже характерно проявление оппортунизма, сопряженное с отклонением от следования служебному долгу. При этом рядом исследователей коррупционный оппортунизм рассматривается как извлечение выгод из информационной асимметрии, возможность которой возникает в связи с исполняемыми функциями (см. обзор литературы в [Яковлева, 2016: 489—493]).

¹ Конституция Российской Федерации // Президент Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution/item> (дата обращения: 27.06.2022).

Таким образом, выводы о возможности нарушения и чиновниками, и потребителями этических принципов при принятии решения, проявляющихся в форме оппортунистического поведения, позволяют авторам экстраполировать применяемую в отношении потребителей методологию на поведенческие характеристики чиновников, осуществляющих функции в сферах с высоким коррупционным риском.

Интерес к теме этических идеологий в исследованиях психологов возник еще в конце 1960-х — начале 1970-х годов, когда сразу несколько психологов в своих публикациях [Hogan, 1970; Kelman, Lawrence, 1972; Kohlberg, 1976; Rest et al., 1974] обратили внимание академической общественности на то, что все индивидуальные вариации в плоскости моральных суждений объясняются двумя факторами. Первый из них условно обозначен Донельсоном Форсайтом [Forsyth, 1980] как «релятивизм» и включает в себя отрицание универсальных моральных правил; второй назван им же «идеализм» и трактуется как принятие универсальных моральных установок индивидами. Сопрягая эти два крайних взгляда, исследователь получил дихотомическую типологию четырех стратегий этического поведения, представленную в таблице 1.

Таблица 1. Дихотомическая типология этических идеологий Д. Форсайта.

		Релятивизм	
		Высокий	Низкий
Идеализм	Высокий	Ситуационисты , действующие по ситуации и выстраивающие индивидуальные оправдания в каждом действии и при каждом случае	Абсолютисты , предполагающие, что наилучшего возможного результата всегда можно достичь, следуя универсальным моральным правилам
	Низкий	Субъективисты , основывающие свои оценки на индивидуальных ценностях и взглядах, а не на универсальных моральных принципах	Циники (утилитаристы) в своих суждениях направляются моральными аксиомами, но в то же время прагматично открыты для игнорирования этих правил

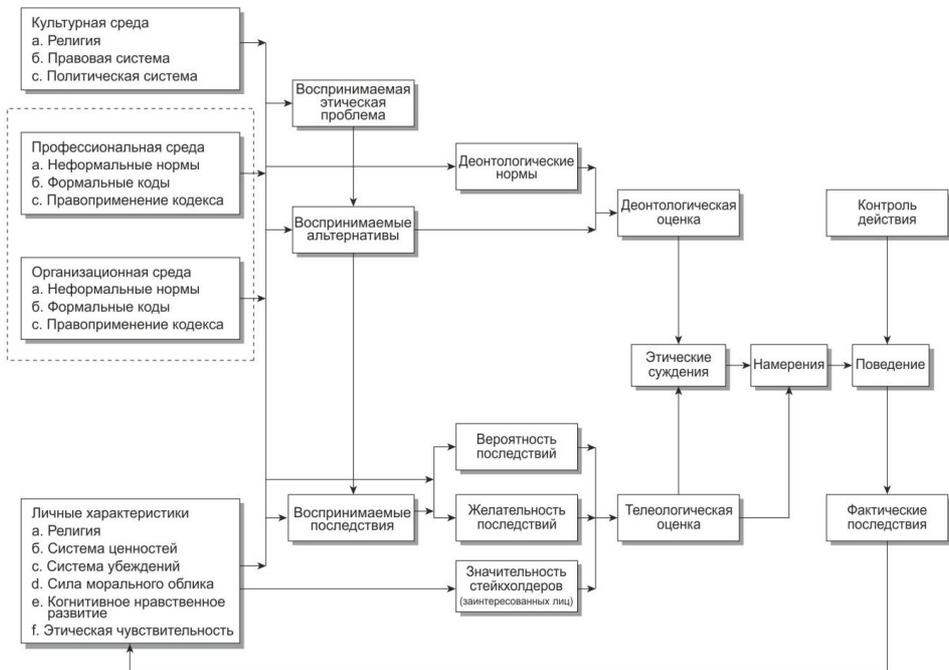
Немного позже в совместной статье с Уильямом Поупом [Forsyth, Pope, 1984] Д. Форсайт показал отношение каждого из выделенных типов к обману. Так, ситуационисты уверены, что обман может быть использован, если он позволяет добиться наилучшего результата в заданной ситуации; абсолютисты считают, что обмана следует избегать, так как он подрывает фундаментальные моральные принципы; субъективисты полагают, что суждения об обмане являются личным делом каждого вовлеченного в подобную ситуацию; а циники (утилитаристы) убеждены, что если обмана избежать нельзя, то он возможен при использовании соответствующих мер предосторожности. Кроме того, соавторы сделали ряд следственных предположений и пришли к выводу, что абсолютисты, в отличие от представителей трех других этических идеологий, наиболее щепетильно подходят к оценке негативных последствий своего поведения.

Заложенные Д. Форсайтом и его коллегами основы этической идеологии получили дальнейшее развитие в трудах их идейных последователей. Так, исследователи поведения потребителей Ш. Хант и С. Вителль в совместной статье [Hunt, Vitell, 2006] обстоятельно изложили этапы принятия этических решений (см. рис. 1).

Теория принятия этических решений в моральной философии опирается на две этические традиции. С одной стороны, это *деонтологическая* теория (Иммануил Кант), в соответствии с которой этические действия следуют универсальным законам морали (не лгать, не красть и др.), и требуется следовать правилам и выполнять свой долг независимо от последствий этих этических действий. С другой стороны, ориентиром служат *телеологические* подходы (Иеремия Бентам), в рамках которых принятие решений должно основываться на результате действий, на принципе максимальной полезности и достижении наибольшего блага для наибольшего числа людей (применяются в современном анализе государственной политики и государственного управления).

Модель Ханта — Вителля обращается к ситуации, в которой человек сталкивается с проблемой, воспринимаемой как имеющая этическое содержание. Учитывая это, следующим шагом будет восприятие различных возможных альтернатив, которые могут быть предприняты для разрешения этической проблемы. Как только человек осознаёт набор альтернатив, производится два вида оценок: деонтологическая и телеологическая.

Рис. 1. Модель принятия этических решений Ш. Ханта и С. Вителля [Hunt, Vitell, 2006].
Перевод выполнен авторами данной статьи.

В соответствии с общими теориями потребительского поведения [Engel, Blackwell, Kollat, 1978] и моделью Фишбеина — Айзена [Fishbein, Ajzen, 1975], модель Ханта — Вителля утверждает, что этические суждения влияют на поведение через намерения. Как предполагает эта модель, этические суждения иногда отличаются от намерений, поскольку телеологическая оценка также влияет на намерения. Теория предполагает, что в случае несовместимости намерений и поведения с этическими суждениями возникает чувство вины. Таким образом, два человека могут вести себя одинаково, но один из них будет чувствовать себя виноватым, если его поведение не соответствует его этическим убеждениям.

Контроль действий — это степень, с которой лицо фактически контролирует намерения в конкретной ситуации [Tubbs, Ekeberg, 1991], поскольку ситуационные ограничения могут привести к поведению, несовместимому с намерениями и этическими суждениями. Одним из таких ситуационных ограничений может быть возможность принять конкретную альтернативу.

Мэри Зей-Феррелл, Марк Уивер, О. Феррелл [Zey-Ferrell, Weaver, Ferrell, 1979] исследовали, может ли система вознаграждений и наказаний изменить поведение в ситуации, связанной с этическим выбором. Они пришли к выводу, что многие люди могут научиться вести себя неэтично при соответствующих непредвиденных обстоятельствах. В этом плане и теория Ханта — Вителля утверждает, что людей можно приучить к этичному поведению.

Модель Ханта — Вителля определяет несколько личных характеристик, которые могут повлиять на конкретные аспекты этического процесса принятия решений. Например, одна из таких характеристик — степень религиозности человека. Скотт Вителль, Джозеф Паолилло, Джатиндер Сингх показали, что внешняя религиозность (следование ритуалам и обычаям) оказывает незначительное влияние на этическое поведение, в то время как внутренняя религиозность (убежденность, а также разделение норм и ценностей) является важной детерминантой этических убеждений потребителей [Vitell, Paolillo, Singh, 2005].

Дизайн и методы исследования

Целью данного исследования является всестороннее изучение этики российских чиновников, осуществляющих коррупционно опасные функции. Министерство труда и социальной защиты РФ относит к коррупционно опасным функциям «осуществление функций по контролю и надзору, управлению государственным имуществом, оказанию государственных услуг, а также разрешительных, регистрационных функций»².

Основная задача исследования состояла в описании этического идеализма и этической идеологии релятивизма (скептицизма) российских чиновников, склонных к коррупции, на основе портретирования российского чиновника, склонного к коррупции, с последующей попыткой классификации (типологии) российских коррупционеров с позиции теории принятия этических решений. Сопутствующими

² Письмо Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 25 декабря 2014 г. № 18—0/10/В-8980 «О проведении федеральными государственными органами оценки коррупционных рисков» // Минпромторг России. URL: https://minpromtorg.gov.ru/common/upload/docVersions/5a8af7131de71/actual/Pismo_Mintruda_Rossii_ot_25.12.2014_N18-010V-8980.pdf (дата обращения: 12.06.2022).

задачами исследования являлись: выявление мнений экспертов относительно степени адекватности и соразмерности наказаний за коррупционные правонарушения для российских чиновников, осуществляющих коррупционно опасные функции; а также рассмотрение процессов институционализации коррупции в современном российском обществе, обоснование изменения характера социальных практик и определение причин легитимации коррупции в свете концепции принятия этических решений российским чиновником, осуществляющим коррупционно опасные функции.

В качестве основной гипотезы было выдвинуто предположение, что российским чиновникам-коррупционерам свойственна высокая степень релятивизма, поддерживающая личные моральные стандарты и отвергающая универсальные моральные принципы. У данной категории должностных лиц имеется аргументированное и обоснованное мнение в пользу этической идеологии скептицизма и убежденность в том, что этические решения должны зависеть от ситуации и степени вовлеченности лиц. Их идеология представляет собой компромисс между потенциальными выгодами и вредом от рассматриваемого этического вопроса. Гипотезой-следствием выступило предположение, что российские должностные лица, осуществляющие коррупционно опасные функции, не лишены общих представлений об универсальных моральных принципах. Многие из них в иных ситуациях, не связанных с осуществлением коррупционно опасных функций, реализуют идеологию альтруизма и заботу о других (не близких).

Эмпирическую базу исследования составили 16 фокусированных интервью с представителями разных профессиональных групп³: региональные бизнес-омбудсмены (4), адвокаты (4), бывшие государственные служащие как федерального, так и регионального уровней (4), государственные служащие федерального уровня, осуществляющие надзор в сфере антикоррупционной деятельности (4)⁴. Все представленные в настоящем исследовании группы являются крайне сложными для рекрута и весьма закрытыми для раскрытия информации в связи с табуированностью и криминогенностью такой крайне латентной сферы, как коррупционные деяния⁵. В связи с вышесказанным ценность полученного описания можно оценить как весьма высокую, оно позволяет открыть для исследователей новые грани феноменологии коррупционера, а также обеспечить представителей правоохранительных органов более адекватными инструментами противодействия коррупционным правонарушениям.

Гайд экспертных интервью состоял из пяти блоков. Первая часть была посвящена этико-психологическому портретированию российского коррупционера и включала вопросы, направленные на выявление профессионально важных

³ В ходе интервьюирования нами не было получено какой-либо информации о тех или иных конкретных случаях правонарушений, о которых необходимо сообщать в правоохранительные органы. Вся информация собиралась с учетом субъективно интерпретируемых респондентами сведений о взаимосвязях между социальными феноменами в современном российском обществе.

⁴ Основные социально-демографические и иные важные для контекстуализации исследования характеристики респондентов приведены в Приложении 1.

⁵ Сложности в рекруте и закрытость целевых групп преодолевались благодаря деловым и личным связям Д. В. Крыловой, заведующей проектно-учебной лаборатории антикоррупционной политики Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва).

качеств и этических черт, дополняющих систему моральных принципов российского чиновника, которыми он руководствуется в повседневной работе. Здесь же задавались вопросы, направленные на понимание и объяснение мотивационных драйверов в поведении чиновника, также на определение условий возникновения различных девиаций. Второй блок вопросов имел целью выявление осведомленности российского чиновника, осуществляющего коррупционно опасные функции, об универсальных принципах морали. Наряду с этим мы пытались обнаружить различия между чиновниками, осуществляющими коррупционно опасные функции в органах федеральной власти, и их коллегами, работающими в региональных структурах. Третий блок гайда интервью содержал вопросы к экспертам с целью верифицировать две классификации коррупционного поведения чиновников и оценить их распространенность в российской практике: с одной стороны, это дихотомия психологии хищника («наемного убийцы») и психологии коррупции комфорта («коррупция благодетеля») ⁶, с другой — коррупционные стратегии «крутого обрыва» и «скользкого склона» ⁷. В четвертой части гайда задавались вопросы, направленные на определение компромиссов в сознании чиновников по критериям личной морали и универсальных моральных принципов. Здесь же были вопросы на выявление факторов, влияющих на сознание российского чиновника (СМИ, социального окружения и т. д.) в контексте девиантности его поведения, допустимости демонстративного и просоциального поведения у чиновников. Заключительная часть опросника содержала вопросы на оценку респондентами степени эффективности наказания за коррупционные правонарушения.

Результаты

В результате анализа интервью нам удалось зафиксировать личные моральные стандарты, которыми, с точки зрения наших экспертов, руководствуются современные чиновники. Опрошенными были отмечены важные психологические качества коррупционера в дополнение к этико-психологическому портрету, попытки составления которого мы предпринимали ранее [Максименко, Дейнека, Крылова, 2020].

Говоря о психологических чертах чиновника, склонного к коррупционным действиям, респонденты выделяли следующие пять наиболее ярких черт: ум, профессиональные знания, цинизм, чувство вседозволенности, а также чувство превосходства.

Цинизм, конечно. Потом чувство такой вседозволенности, потом чувство своего превосходства над другими. Но и при этом у них есть ум, например, и профессиональные знания. Этого ведь у них тоже не отнимешь ⁸. (А3)

⁶ Эксперты [Воронцов, Понеделков, 2018] разделяют психологию коррупции на психологию хищника и психологию коррупции комфорта. Последняя представляет собой сервисные услуги чиновника, облегчающие жизнь гражданина и сокращающие как его усилия, так и длительность ожидания предоставления государственной услуги. В ситуации коррупции хищника присутствуют условия непреодолимой силы, созданные либо искусственно (чиновником или аффилированным с ним лицом), либо обусловленные естественным развитием событий. Решение проблемы в этом сюжете является для гражданина задачей выживания (спасения бизнеса, здоровья или жизни).

⁷ Стратегии, выделенные Нильсом Кёбисом в его докторской диссертации [Köbis, 2018]. Под «скользким склоном» понимаются довольно часто повторяющиеся коррупционные практики с небольшими по размеру взятками, тогда как «крутой обрыв» представляет собой разовую возможность крупного коррупционного правонарушения.

⁸ Здесь и далее стиль изложения авторов цитат сохранен.

Типичный коррупционер — это образованный, хорошо подкованный, эрудированный чиновник, умеющий для себя сделать исключение. Он в каком-то роде «законопослушный», то есть умеющий закон слушать, но также умеющий сделать для себя исключение. (P04)

Все наши респонденты сообщили, что российские коррупционеры имеют аргументированное и обоснованное мнение в пользу этической идеологии скептицизма. Они убеждены, что этические решения зависят от ситуации и степени вовлеченности лиц. Среди российских коррупционеров нет ситуационистов и абсолютистов в терминах Д. Форсайта; напротив, все они прагматично ориентированы и готовы игнорировать установленные правила, руководствуясь своими индивидуальными ценностями и взглядами.

Большинство респондентов указывает, что чиновники, склонные к коррупции, имеют некую индивидуальную мораль, но в то же время им чужда профессиональная этика. Они рассматривают свою работу как открывающиеся перед ними возможности, успех в рамках которых зависит от предпринимаемых ими действий и креативности их команды. Умение заработать на таких должностях рассматривается ими не как хищение, а как самовознаграждение («отщипывание кусков»), адекватное тому статусу и уровню в иерархии, которых удалось достичь:

Они почему-то себе разрешают или отщипывать куски, скажем так, да. Воровство — это немножко другое. Отщипывать кусочки... делить пирог... Они считают, что вот они такие крутые, достигли таких высот... (KH2)

Они подходят к своей государственной службе, как к бизнесу, со свойственной им деловитостью и предприимчивостью... (A2)

Среди российских коррупционеров можно выделить два доминирующих типа: (1) субъективисты, руководствующиеся индивидуальными ценностями и взглядами, (2) циники (утилитаристы), у которых ярко выражены чувство вседозволенности и превосходства. Движение на коррупционно емкие позиции осуществляется как сверху, так и снизу (за исключением случаев, когда руководитель пришел без команды или на очень короткий срок для дальнейшего роста). Если руководитель приходит с командой, на эти должности назначаются люди из команды руководителя:

Бывают, конечно, на хлебных местах люди с вышестоящих структур. Вот эти люди могут иметь некую мораль, это люди образованные, «подкованные» в законодательстве и делают все осторожно... (БГЗ)

Приток на должности муниципальной и государственной службы сопровождается движением снизу. Нередко это люди из сельской местности с откровенно низким уровнем культуры, недостаточным уровнем образования и с пониманием роли чиновника как лица с неограниченными полномочиями:

Очень много [людей] из сельской местности, кто работает в областной администрации... У них просто за двадцать лет [жизни в сельской местности] создано в голове, что чиновник — это тот человек, который все имеет и может поиметь еще больше. (БГ1)

Осторожное отношение к обходу обозначенных законом запретов и ограничений является основанием для дихотомической типологии коррупционеров. Опрошенные указали на существование двух стратегий, различающихся в степени рискованности поведения. Так, «осторожные» чиновники в меньшей степени ориентированы на деньги и статус, они больше заботятся о своей безопасности, тогда как для «безбашенных» деньги и статус важнее их личной безопасности, и для их достижения они предпринимают решительные действия. Ресурсы (деньги и статус) «безбашенные» рассматривают как средство для достижения исключительных привилегий, желая получить иммунитет неприкосновенности и вседозволенности:

Я бы их все-таки поделил на группы, потому что есть категория коррупционеров, которые, получив пусть невысокую, но «хлебную» должность, делают все осторожно, стараясь не попасть в поле зрения правоохранительных органов, и [есть] те коррупционеры, которые с учетом, может быть, опыта прошлых лет уже настолько потеряли связь с реальностью, что ничего не боятся и уже открыто, демонстративно это делают, направляя все свои усилия, деньги и статусные достижения для еще большего дополнительного заработка. (КН1)

Респонденты отмечают, что отсутствие эффективно имплементированных этических инструментов на государственной и муниципальной службе позволяет искажать моральные принципы, привнося в дискурс самооправдания больше аргументов, педалирующих распространенность коррупционных практик. Это способствует и медленному перерождению «субъективиста», имеющего минимальный арсенал объяснений и самооправданий, в «циника», решительно настроенного на игнорирование правил и вырабатывающего хитрые стратегии обхода различного рода запретов:

Но коррупционное поведение начинается с мелочей, я считаю. Вот эти мелочи — сегодня пообедал за чей-то счет, завтра пообедал за чей-то еще, а послезавтра взял взятку у кого-то, — вот это звенья одной цепи. То есть если человек себе не позволяет в мелочах, то он и в большом себе не позволит. У человека должен стоять четкий барьер, что «я исполняю, я служу государству — и точка». (РО1)

На вопросы интервьюеров, чем отличались коррупционеры прошлых лет от нынешних, респонденты сообщали о возросших ожиданиях и расширившихся границах возможного. В отношении муниципальных служащих, занимающих коррупционно опасные должности, респонденты высказывались как о чиновниках, утративших с 1990-х годов самостоятельность и готовых идти на сделку с совестью. Таким образом, со снижением самостоятельности муниципальных служащих и одновременно возросшим повышением управляемости властной вертикали у склонных к коррупции чиновников сформировалось чувство вседозволенности

и превосходства вкупе с психологическими чертами беспринципного циника, отражающимися в «темной триаде» (нарциссизм, макиавеллизм и психопатия):

Также шли [в советское время] в народный контроль⁹, и в народном контроле также проверяли и также ехали с проверок с телевизорами, с ящиками водки, с дефицитными фруктами, с мандаринами, бананами или чем-то еще, а сейчас ставки выросли... Люди сейчас вообще границ не видят, что тебе достаточно... (P02)

Чиновник работает в условиях, навязанных и созданных властью. Независимых чиновников у нас нет, это была прерогатива 90-х годов XX века. Сейчас есть лишь хороший исполнитель. (БГ4)

В «нулевых» уже вопросы, связанные с выживанием, уходят на второй план. Выживание тоже есть, но оно, наверное, в меньшем объеме. Но в «нулевых» есть другая история: эти годы можно, наверное, охарактеризовать тем, что там выстраивались институты, и именно в том виде, в котором мы их видим сейчас. А когда выстраиваются институты, идет институциогенез, это всегда сложное время. Понятное дело, что когда они еще не устоялись, когда они еще не окрепли, идет определенное противостояние групп интересов. Я думаю, что в «нулевых» коррупции стало меньше по сравнению с «девяностыми», потому что уже перешли этот рубеж и вышли на определенное плато. (КНЗ)

При выделении еще одной типологии коррупционных стратегий — коррупции хищника и коррупции комфорта — эксперты высказали мнения, что первая из них чаще применяется чиновниками, занимающими более высокие должности в бюрократической иерархии, тогда как вторая свойственна чиновникам среднего и низкого уровней. Также высказывались мнения, что коррупция хищника чаще свойственна силовому блоку исполнительной власти, а коррупция комфорта — государственным служащим административного блока в коррупционно опасных сферах. Кроме того, респонденты, имеющие отношение к надзору в сфере антикоррупционной деятельности, отмечали, что антикоррупционные усилия правоохранительных органов чаще направлены на борьбу с коррупцией комфорта в силу атомизированности должностных лиц, склонных к совершению коррупционных правонарушений, их низкой организованности, небольших емкости и размера коррупционной ренты, что в целом обуславливает также низкую способность к агрессивной защите. В этой связи противодействие коррупции хищника сопряжено с очевидными сложностями — с борьбой со сплоченным общими обязательствами сообществом с единым центром субординации, зачастую располагающим большими финансовыми и административными ресурсами для нивелирования «внештатных» ситуаций:

Верхний уровень [бюрократии], наверное, это все-таки первая стратегия, а уровень средний, исполнительский — это вторая стратегия. Ты мне отчет не можешь дать — я тебе раз зарубил, два зарубил, а поэтому отчету ты субсидию получаешь или деньги

⁹ Комитет народного контроля — один из органов системы государственного контроля в СССР, наблюдавший за выполнением государственных планов, расходованием ресурсов, нарушением дисциплины и т. д.

какие-то, а значит, мы оба заинтересованы в сотрудничестве. В первой стратегии ты должен быть больше уверен, что у тебя за спиной кто-то стоит, кто-то из руководителей или даже выше. (P02)

Чиновник выглядит в своих глазах как благодетель. «Ты нарушил — я тебе вместо того, чтобы прищучить, даю возможность откупиться»... «Ты мне дал в размере чаевых — 10%, я это вообще не считаю за коррупцию». Это мелкая на местах благодарность. (P03)

Мне кажется, вот тут [в стратегии психологии коррупции комфорта] такой структуры прям преступного сообщества нет, а вот вторая категория, которая связана с рейдерскими захватами, с вымогательством взяток, — вот это уже хорошо организованная структура. Потому что туда входят помимо чиновников, которые обладают властными полномочиями по выдаче разрешений, лицензий и так далее, они еще связаны с системой правоохраны, которая, когда поступают сигналы, не реагирует или маховик включает в другую сторону: наоборот, кто заявил — тому еще хуже становится. Мне кажется, во втором случае это система... (КН4)

По моим субъективным ощущениям, коррупция комфорта — это не более 20% всех коррупционных нарушений, тогда как более 80% коррупции — это коррупция, связанная с психологией хищника, психологией «наемного убийцы». (КН1)

В репликах респондентов часто звучит мнение, что мотивация коррупционных правонарушений обусловлена не столько материальным интересом, сколько стремлением к власти, большим открывающимся возможностям, а также компенсацией (возмещением) потраченных (недополученных) ресурсов — материальных, временных и т. д.:

Главный мотив не финансовый. Не алчность ими движет, а желание стать могущественными людьми с большими возможностями. (P04)

Нужно понимать, как он это место получил. То есть, условно говоря, если он потратил какие-то ресурсы для того, чтобы это место получить (необязательно даже потратил ресурсы, а, например, их недополучил). Мы прекрасно понимаем, что, наверное, государственная служба на низких должностях — это зачастую большой объем работы и недостаточно большой объем денежного вознаграждения. И если простыми словами говорить, то получается, что человек долго-долго страдал, получал копейки на уровне прожиточного минимума и дослужился до этого «хлебного» места. (A3)

Мне кажется, что этот человек [чиновник], оказавшись на этой должности, он точно считал «а как же без этого?». То есть он к этому стремился. Он считал «я умнее, я лучше», и это было видно. «Сев в это кресло, я теперь могу распоряжаться если не судьбами людей, то по крайней мере их бизнес будет под моим личным контролем, и я это право получил и заслужил». Вот у меня такое чувство именно по отношению к нему. (P02)

Оправдание действий коррупционеров респонденты раскрывают чаще всего в рамках теории коллективных действий (теории «разбитых окон» [Wilson, Kelling, 1982]), механизма социального сравнения и понимания в диапазоне границ поведения от девиантного (отклоняющегося от нормы) до делинквентного (противоправного поведения должностного лица в виде действия или бездействия):

Когда я как личность считаю, что нет вокруг честных, все вокруг обманывают, зачем мне быть белой вороной среди коррупционеров? Предприниматели — жулики, граждане тоже пытаются обмануть. Все вокруг коррупционеры и нет никаких стимулов быть не таким. И зачем мне быть лучше? Вот у меня такое окружение, я считаю, что я подстраиваюсь под окружение. (Р03)

Сам дискурс самооправдания у большинства чиновников-коррупционеров при сделках с совестью, безусловно, разворачивается в русле только понимания юридических ограничений при оперировании понятием «справедливость». Именно субъективное понимание справедливости позволяет чиновникам-коррупционерам, по мнению респондентов, самостоятельно запускать арифметическую пропорцию «почестей и тягот» [Прокофьев, 2010]:

Когда мы говорим про совесть, то тут не определено эталонов. Сейчас это понятие относительное, скажем так. У меня одно представление о справедливости, у вас может быть другое. И я допускаю, что, будучи коррупционером, можно с точки зрения справедливости и это оправдать. (А4)

Респонденты указывают на сложившуюся в российском обществе культуру открытости и отзывчивости (отсюда и культура «брать — давать», восстанавливая справедливость в каких-либо отношениях, в том числе между гражданином/предпринимателем и чиновником), но невыработанное в российском культурном коде право на закрытость и отказ, умение сказать «нет», не обидев обращаемого и не выставив его в неприглядном свете:

Коррупция — это все-таки, как мне кажется, психологически тяжелая ситуация, если так можно выразиться. Если чиновник — сотрудник контрольно-надзорного органа, и ему предлагают взятку, то нужно научиться от нее отказываться. Предложение участвовать в коррупционной схеме может быть и извне. (КН4)

Опрошенные эксперты указывают на высокую значимость наличия «тона сверху», личного этического лидерства руководителя, формирующего ведомственную этику и организационную культуру, которые позволяют всем работникам ориентироваться на (не)добропорядочное поведение при исполнении ими служебных обязанностей. В этой связи для снижения коррупции в том или ином исполнительном органе необходима не только идущая от руководства четкая артикуляция этических принципов в публичном пространстве для формирования в общественном окружении образа организации с добропорядочными и честными работниками, но и личный пример со стороны руководства:

Если в каком-то органе есть коррупционер, и этот человек — не высшее лицо в этом органе, то, скорее всего, эта культура я не скажу, что поощряется, но руководство к ней толерантно. То есть руководство либо тоже берет взятки, и чиновник смотрит на уровень выше и думает: «Там все берут, и я чуть-чуть возьму». (КН2)

Когда это система, понятно, что у нас в обществе, например, есть понимание, что, если кто-то приходит из этого контрольно-надзорного органа на проверку, нужно «дать на лапу»: он коррупционер, и бороться с ним нет смысла. Если есть понимание, что из этого контрольно-надзорного органа в 95 % случаев приходят адекватные люди, и только Иванов Иван Иванович приходит и начинается вымогательство, то с этим Ивановым быстро разберутся. (А1)

Интервьюируемые высказываются в пользу эффективности юридических запретов в деле снижения коррупции, но отмечают их явную недостаточность и необходимость более интенсивной деятельности по имплементации созданных этических кодексов и других инструментов, направленных на поддержание профессиональной этики на государственной и муниципальной службе:

Нужно понимать, что зачастую, с точки зрения коррупционных практик, да и любых преступлений, ответственность государства, справедливость будут на догоняющем этапе, потому что на каждое действие находится свое противодействие. Находится один антикоррупционный стандарт, и в рамках этого антикоррупционного стандарта придумываются истории, связанные с тем, как его обойти. Увидели, как его обходят, и придумали новый антикоррупционный стандарт. И вот так играют в «догонялки», кто кого опередит. (КН4)

В немалой степени коррупция комфорта создается отсутствием ускоряющих государственную услугу платежей. Введение таких платежей по многим видам услуг (например, получение в однодневный срок выписки из ЕГРЮЛ, заверенной налоговым органом) позволило бы существенно снизить желание получателей государственных услуг материально стимулировать должностных лиц:

Мы прекрасно понимаем, что для нас на экспертном уровне само собой нарушение закона — это всегда существенное нарушение публичного интереса. Но с точки зрения внутреннего согласия с собой — ничего серьезного: никого не убили, никто не умер, никаких экономических последствий для других нет. В итоге практически это стратегия win-win: выиграл тот, кто взятку давал, и выиграл тот, кто взятку брал. (А1)

Респонденты указывают на неформальную конвенциональность, возникающую между чиновником и гражданином/предпринимателем вследствие наличия лакун в юридической практике, связанной с правоприменением того или иного нормативного акта. Такие лакуны используются для создания и развития условий для коррупции комфорта:

Существует какой-то нормативный акт. Поменять этот нормативный акт и тем самым изменить сложившуюся ситуацию — это сложно и долго ждать. Поэтому стороны дого-

вариваются устно, а в договоре присутствуют какие-то иные договоренности. Такое тоже существует. (КНЗ)

Респонденты указывают на повышение стоимости коррупционных действий и более тщательную их ретушируемость в связи с усложнением процедуры легализации («отмывания») денег, полученных преступным путем:

Раньше можно было, упрощая, принести взятку в конверте, передать чемоданчиком и радоваться жизни. Сейчас просто так принести чемоданчик уже опасно, уже мало кто на это пойдет. Поэтому у нас коррупция приобретает все более и более сложные схемы. Растет средний уровень взятки, потому что чем сложнее процедура, тем сложнее легализовать деньги. (Р02)

Отсутствие скрининга при приеме на государственную и муниципальную службу создает возможности для поступления на нее людей, которые нигде себя не нашли и рассматривают государственную службу как возможность реализовать свои предпринимательские способности и соответствующие проекты, не принимая во внимание, что это напрямую противоречит принципам госслужбы:

Если говорить о людях, понимаешь: в силу своего характера, занудства какого-нибудь там, переругался где-то, не потянул бизнес или еще что-то, и устроился, например, в государственное учреждение. Особо никаких предложений больше не было, а работать где-то надо. (БГЗ)

Многие респонденты указывают, что различия в коррупционных стратегиях «крутой обрыв» и «скользкий склон» проявляются в зависимости от уровня иерархии. По мнению опрошенных экспертов, чиновники высокого уровня в иерархии, склонные к коррупционному поведению, не используют в своих повседневных практиках стратегию «скользкого склона», делегируя ее на нижестоящий уровень по принципу MLM¹⁰ и позволяя оставлять себе часть ренты. Сами же они открыты для реализации стратегии «крутой обрыв»:

Если рассматривать коррупцию через призму ручейков, то исполнитель внизу имеет допуск к одному ручейку. Поднявшись на пару звеньев повыше, став каким-нибудь руководителем, он уже имеет доступ ко всем ручейкам, которые стекаются к нему. (БГ2)

«Крутой обрыв» — это когда к нему [высокопоставленному чиновнику] уже приходят очень серьезные люди и решают очень серьезные вопросы, а «скользкий склон» весь отдан для администрирования на низший уровень. (КНЗ)

Говоря про динамику в осознании моральных принципов, респонденты указывают на то, что изменения связаны с тем, что чиновники-коррупционеры стали больше бояться попасться:

¹⁰ Принцип многоуровневого маркетинга (multilevel marketing, MLM), позволяющий в коррупционных схемах выстроить сеть рентной торговли.

Отличие коррупционеров 1990-х годов и коррупционеров сегодняшнего времени в том, что сейчас стали очень острожными. (А1)

Респонденты в ходе интервью отмечали динамику в изменениях этических установок у склонных к коррупции лиц, занимающих должности на государственной службе при иерархическом продвижении вверх, и вариационную смену в стратегиях с коррупции комфорта на коррупцию хищника:

Вот опять мне кажется, что если говорить о крутом обрыве, то это больше крупные чиновники, которые, так скажем, уже высоко сидят, далеко глядят, и они считают, что достигли уже такого уровня, когда они уже сами принимают решения и могут повлиять на тех лиц, которые могли бы их уличить в каких-то коррупционных схемах. То есть мне кажется, что крутой обрыв — это лица, которые достигли определенных высот. И в процессе достижения этих высот там уже лучшая часть их моральных качеств утрачивалась, потому что для того, чтобы подняться на такую высоту, очевидно, что этими лицами неоднократно были совершены какие-то недостойные действия, когда он «съедал» другого, например. То есть высокий подъем по лестнице сопровождался еще и изменением его морального облика. Например, когда он только пришел на работу, он был совершенно иным, а процесс достижения самого высокого чина [в сфере, связанной с большими возможностями для коррупции] в течение длительного времени влиял на его моральные качества. (А3)

Большинство экспертов указывали на то, что чиновники-коррупционеры осознают общественное мнение насчет их демонстративного поведения в вопросах предметов роскоши, желая подчеркнуть свой статус и принадлежность к элите. Культивирование ценностей умеренного потребления в организационной культуре отдельных ведомств и на государственной (муниципальной) службе в целом может выступать сдерживающим фактором демонстративного поведения, побуждающим должностных лиц соблюдать этические стандарты.

У нас была ситуация, что сотрудница ходила на работу [государственную службу] в Chanel, а возил ее на работу водитель на Bentley. Ей порекомендовали...вести себя скромнее: перестать парковать Bentley перед входом и на одежде срезать брендовые бирочки Chanel. (БГЗ)

Опрошенные смогли указать на отсутствие конкурсов (или недостаточно прозрачные и честные критерии их проведения) на соискание кандидатов на руководящие должности и должности, сопряженные с коррупционно опасными функциями, в связи с чем пришедшим во власть легче организовать какие-либо коррупционные схемы:

Есть какие-то кадровые резервы, какие-то конкурсы. Это все есть, но они их не касаются. Они касаются больше чиновников среднего звена. А если говорить уже о руководителях, то здесь приходят друзья, родственники друзей. (БГ1)

Многие респонденты считают недопустимым занимать пост муниципального депутата предпринимателю в связи с очевидным преследованием собственного меркантильного интереса, то есть исходя из склонности к оппортунистическому поведению. По мнению экспертов, государство, допустив таких людей ко власти, вовлекает представителей хозяйствующих субъектов обслуживать не общественно значимые интересы, а свои личные, причем на законных основаниях:

Надо признать то, что, когда муниципальные депутаты не получают зарплату от муниципалитета, они занимаются и своим бизнесом, и плюс они занимаются местным нормотворчеством. Мне кажется, это вещи несовместимые, потому что здесь превагируют уже не общественные интересы, а интересы своего личного бизнеса. Эти люди, которые занимаются определенным бизнесом, у них уже измененное сознание, то есть они изначально другие. Мы понимаем, что человек, который идет в бизнес, он все равно нацелен на развитие себя, своего бизнеса. (P04)

В ходе интервью опрошенные признают существование сообщества чиновников-коррупционеров, которое коммуницирует, обмениваясь коррупционными практиками и являясь, таким образом, самообучающейся организацией:

Мне кажется, они даже не стесняются зачастую это говорить. Не говоря о том, что все это коррумпированное чиновничество тусуется вместе на одних тусовках, ездят куда-то отдыхать, семьями... встречаются на корпоративах, у них своя собственная неформальная среда для общения и обмена практиками. (A2)

Наши эксперты указывают на то, что большинство коррупционеров, имеющих индивидуальные моральные принципы, зачастую глубоко верующие. Их вера в бога представляет собой не набор универсальных моральных принципов и ограничений, следование которым может даровать жизнь вечную после смерти. Напротив, богатство и удача в этой жизни является для них знаком, указывающим сверху на их виртуозную предприимчивость, а отсутствие кары — на богоизбранность. Принятие религиозности у них происходит не на основе православного смирения или протестантского служения, а на основе декларируемых в обществе потребления ценностей свободы и материального интереса в сопряжении с факторами удачливости и везения. Они воспринимают свою коррупционную деятельность не как греховность и повод для угрызания совести, а напротив — как большую удачу в жизни, и боятся прогневать Его:

Да, они избранные, счастливики, вытянули счастливый билет, поэтому, чтобы не злить судьбу и Всевышнего — или кого они там считают важным, — они тем самым какие-то дары и пожертвования приносят в храмы и благотворительные фонды... (КН1)

Обсуждение результатов

Весьма убедительная попытка оправдать стремление к благосостоянию через сделки с совестью [Черленд, 2021] и череду объяснений на основе личных моральных стандартов предпринята режиссером Паоло Соррентино в вышедшем в прокат

в 2018 г. итальянском эпосе «Лоро»¹¹. Под вымышленной биографией Сильвио Берлускони в сатирическом жанре ярко показано, что этические решения зависят от ситуации и от круга лиц, формирующих окружение. Подкуп сенаторов и другие коррупционные деяния главный герой оправдывает в своем эмоциональном диалоге с супругой аргументацией о своем превосходстве в предпринимательском таланте и умении адекватно отвечать меняющимся запросам разных политических аудиторий, опуская апелляционные медийные претензии личного характера об этических представлениях и должном.

Оставаясь на стороне главного героя и открыто симпатизируя ему, режиссер самим названием кинофильма делегирует ответственность за происходящее и формирование подобной морали обществу, в котором все стремятся к богатству при открытом игнорировании этических норм. В этом драматургическом замысле Паоло Соррентино синтоничен, то есть солидарен во мнении, с американским социологом Эдвином Шуром [Schur, 1969], обозначившим социальные предикторы криминогенного поведения личности. Почти все опрошенные нами эксперты указывали на общественные ценности «нашего преступного общества» [ibid.], поддерживаемые в СМИ, социальных сетях, формирующие коррупционера и позволяющие ему перейти из субъективистов в циники.

Таким образом, сделанное ранее предположение, что для российских чиновников, склонных к коррупции, характерна высокая степень релятивизма, поддерживающая личные моральные стандарты и отвергающая универсальные моральные принципы, нашла свое подтверждение в собранном эмпирическом материале. Действительно, у рассматриваемой категории должностных лиц имеется аргументированное и обоснованное мнение в пользу этической идеологии скептицизма и убежденность в том, что этические решения в практических реалиях зависят от ситуации и степени вовлеченности должностных лиц. Их идеология представляет собой компромисс между потенциальными выгодами и вредом от рассматриваемого этического вопроса.

Проведенный анализ позволяет получить целостное представление о том, чем руководствуются лица, работающие в коррупционно опасных сферах при принятии этических решений, и сделать следующие выводы.

1. Коррупционерам, по оценкам респондентов, свойственны ум, цинизм, профессиональные знания, а также чувство вседозволенности и превосходства. Все без исключения эксперты сообщили, что российские коррупционеры имеют аргументированное и обоснованное мнение в пользу этической идеологии скептицизма: они убеждены, что этические решения зависят от ситуации и степени вовлеченности должностных лиц. Среди них нет «ситуационистов» и «абсолютистов» (согласно терминологии в модели принятия этических решений Ханта — Вителля). Они готовы игнорировать установленные правила, руководствуясь своими индивидуальными ценностями, оппортунистическими мотивациями и прагматичными взглядами. Коррупционеров респонденты чаще всего оправдывают в рамках теории коллективных действий (теории «разбитых окон»), механизма социального сравнения и исходя из понимания, что вариативность их поведения находится в диапазоне от девиантного до делинквентного.

¹¹ Loro — пер. с итал. «они».

2. В классификации коррупционеров на придерживающихся стратегии хищника либо приверженных к коррупции комфорта были высказаны мнения, что первая стратегия чаще исходит от чиновников, занимающих высокие должности в бюрократической иерархии, тогда как коррупция комфорта более распространена среди коррупционеров среднего и низового уровня. Также респондентами высказывались мнения, что стратегия хищника наиболее характерна для силового блока исполнительной власти, а коррупция комфорта — для административного блока. В субъективных оценках респондентов значительно превалирует в денежном объеме и в количестве ситуаций стратегия хищника (более 80 % всех коррупционных случаев в России), тогда как коррупция комфорта составляет, по ряду оценок, не более 20 %.

3. Относительно стратегий «крутой обрыв» и «скользящий склон» респонденты предположили, что они осваиваются чиновниками-коррупционерами в зависимости от уровня иерархии. Чиновники высокого уровня, склонные к коррупционному поведению, предпочитают делегировать коррупционные практики «скользящего склона» на нижестоящий уровень по принципу MLM, оставляя себе часть ренты и открываясь для стратегии «крутого обрыва», что снижает вероятность попасться на коррупционном деянии ввиду их меньшей частоты.

4. Существующие для должностных лиц государственных органов и органов местного самоуправления этические кодексы воспринимаются большинством чиновников как формальность. Без внедрения комплаенс-подразделений и программ по организационной этике (с объяснением ролевой модели этического поведения и обеспечения прозрачности в отношении случаев этического и неэтического поведения) разработанные тексты этических кодексов можно интерпретировать как «лицемерное оформление витрин»¹². Имплементацию этических инструментов и процедур, поддерживающих организационную культуру, важно дополнять открытой дискуссией по вопросам этики и возникающих в ходе работы этических дилемм.

5. Довольно мягкие условия наказания большинства высокопоставленных коррупционеров, редкие случаи применения к ним наиболее действенной меры противодействия коррупции — конфискации незаконно нажитого имущества и денежных средств (в том числе несвязанных непосредственно с тем преступлением, по факту которого возбуждено уголовное дело, но происхождение которых данное лицо не может объяснить), а также лояльное отношение к заключенным из числа высокопоставленных чиновников-коррупционеров и комфортные условия содержания с возможностью условно-досрочного освобождения от наказания, — создают дополнительные аргументы у потенциальных коррупционеров для их решения в пользу этической идеологии скептицизма.

6. Система личных компромиссов и индивидуальных верований современного российского чиновника-коррупционера позволила этой категории должностных лиц сформировать свое понимание религии, объясняющее богоизбранность успешного, удачного и предприимчивого человека. На смену вседозволенности

¹² «Hypocritical window dressing» — термин, предложенный Милтоном Фридманом в 1970 г. См.: Friedman M. A Friedman Doctrine — The Social Responsibility of Business Is to Increase Its Profits // The New York Times. 1970. September 13. URL: <https://www.nytimes.com/1970/09/13/archives/a-friedman-doctrine-the-social-responsibility-of-business-is-to.html> (дата обращения: 12.06.2022).

как отрицания Всевышнего («Бога нет, значит, дозволено все»¹³) пришло отрицание запретов при веровании в Него («Если Бог есть, то все позволено», см. [Лакан, 2002]). Нетрансцендентный земной успех является индикатором правильности (праведности) действий, ориентируя чиновников-коррупционеров, в частности, на просоциальное поведение, которое проявляется в обрядах приношения и дара в знак пролонгации и нарастания успеха («чтобы удача не отвернулась»).

7. Опрошенные эксперты высказали ряд рекомендаций для антикоррупционной политики, которые сводятся к следующему: (1) введение ускоряющих платежей, (2) ограничения для лиц, ведущих предпринимательскую деятельность, на право избираться в законодательные органы местного самоуправления, (3) поддержание профессиональной этики (тона сверху) и имплементация этических стандартов в работе государственных и муниципальных служащих.

Ограничение исследования

Настоящее исследование имеет существенное ограничение в связи с использованием идиографического подхода — качественного метода, благодаря которому мы смогли проникнуть глубже в суть явления, поняв его генезис и условия проявления в российском контексте. Естественно, мы не можем судить на основе собранного и проанализированного информационного массива о распространенности тех или иных проявлений коррупционных правонарушений, несмотря на то что многие респонденты высказывали оценки в превалировании и тенденциозности тех или иных стратегий в зависимости от различных условий и параметров (например, психологических характеристик личности того или иного чиновника, в том числе ценностных ориентаций, предшествующего опыта, выгорания, отрасли, положения в иерархии и других влияющих факторов). Предпринятое в данной статье описание выявленных нами условий коррупционных стратегий и практик позволяет глубже понять мотивацию лиц, выполняющих коррупционно опасные функции, и будет содействовать методологическим разработкам и интерпретации получаемых с их помощью данных, что в итоге обеспечит выработку релевантных мер противодействия коррупции в России.

Список литературы (References)

Воронцов С. А., Понеделков А. В. О слабых звеньях коммуникационной деятельности по противодействию коррупции // *Коммуникология*. 2018. Т. 6. № 1. С. 143—154.
Vorontsov S. A., Ponedelkov A. V. (2018) On Weakest Links of Communication in Corruption Control. *Communicology (Russia)*. Vol. 6. No. 1. P. 143—154.

Дейнека О. С., Максименко А. А. Оценка психологического состояния общества в условиях инфодемии посредством анализа социальных сетей: обзор зарубежных публикаций // *Общество. Среда. Развитие*. 2020. № 2. С. 28—39.

Deyneka O. S., Maksimenko A. A. (2020) The Psychological State of Society in Infodemia by Analysis of Social Networks: An Overview of Foreign Publications. *Society. Environment. Development*. No. 2. P. 28—39. (In Russ.)

¹³ Приписываемая Федору Достоевскому фраза, собранная в емком выражении по прочтении романа «Братья Карамазовы» последователями его таланта.

Крылова Д. В., Пархоменко С. А., Таут С. В., Цирин А. М., Максименко А. А., Артеменко Е. А., Поросенков Г. А., Долотов Р. О., Мельникова А. Л., Рябов А. А. Этические аспекты профилактики правовых и коррупционных рисков в публичном и корпоративном секторах / под науч. ред. Д. В. Крыловой. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021.

Krylova D. V., Parkhomenko S. A., Taut S. V., Tsirin A. M., Maksimenko A. A., Artemenko E. A., Porosenkov G. A., Dolotov R. O., Melnikova A. L., Ryabov A. A. (2021) Ethical Aspects of the Prevention of Legal and Corruption Risks in the Public and Corporate Sectors. Moscow: HSE University Publishing House. (In Russ.)

Максименко А. А., Дейнека О. С., Крылова Д. В. Этико-психологическое портретирование российского коррупционера // Национальный психологический журнал. 2020. № 4. С. 31—47. <https://doi.org/10.11621/npj.2020.0403>.

Maksimenko A. A., Deyneka O. S., Krylova D. V. (2020) Ethical and Psychological Portrayal of a Russian Corrupt Official. *National Psychological Journal*. No. 4. P. 31—47. <https://doi.org/10.11621/npj.2020.0403>. (In Russ.)

Лакан Ж. О бессмыслице и структуре Бога // Консультативная психология и психотерапия. 2002. Т. 10. № 1. С. 36—50.

Lacan J. (2002) On Nonsense and Structure of God. *Counseling Psychology and Psychotherapy*. Vol. 10. No. 1. P. 36—50. (In Russ.)

Прокофьев А. В. Понятие «социальная справедливость» в истории этической мысли (к вопросу об исторических изменениях типологии справедливости) // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2010. № 6. С. 36—53.

Prokofiev A. V. (2010) The Concept of “Social Justice” in the History of Ethical Thought (to the Question of Historical Changes in the Typology of Justice). *Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*. No. 6. P. 36—53. (In Russ.)

Черленд П. Совесть: происхождение нравственной интуиции. М.: Альпина нон-фикшн, 2021.

Churchland P. S. (2021) *Conscience: The Origins of Moral Intuition*. Moscow: Alpina Non-Fiction. (In Russ.)

Яковлева Е. Л. Коррупционный оппортунизм: опыт философской рефлексии // Азимут научных открытий: педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 4. С. 489—493.

Iakovleva E. L. (2016) Corrupt Opportunism: Experience Philosophical Reflection. *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*. Vol. 5. No. 4. P. 489—493. (In Russ.)

Engel J. F., Blackwell R. D., Kollat D. T. (1978) *Consumer Behavior*. Hinsdale, IL: Dryden.

Fishbein M., Ajzen I. (1975) *Belief, Attitude, Intention and Behavior: An Introduction to Theory and Research*. Reading, MA: Addison-Wesley.

Forsyth D. R. (1980) A Taxonomy of Ethical Ideologies. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 39. No. 1. P. 175—184. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.39.1.175>.

Forsyth D. R., Pope W. R. (1984) Ethical Ideology and Judgments of Social Psychological Research: Multidimensional Analysis. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 46. No. 6. P. 1365—1375. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.46.6.1365>.

- Hogan R. (1970) A Dimension of Moral Judgment. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. Vol. 35. No. 2. P. 205—212. <https://doi.org/10.1037/h0030095>.
- Hunt Sh. D., Vitell S. J. (1986) A General Theory of Marketing Ethics. *Journal of Macromarketing*. Vol. 6. No. 1. P. 5—16. <https://doi.org/10.1177/027614678600600103>.
- Hunt Sh. D., Vitell S. J. (2006) The General Theory of Marketing Ethics: A Revision and Three Questions. *Journal of Macromarketing*. Vol. 26. No. 2. P. 143—153. <https://doi.org/10.1177/0276146706290923>.
- Kelman H. C., Lawrence L. H. (1972) Assignment of Responsibility in the Case of Lt. Calley: Preliminary Report on a National Survey. *Journal of Social Issues*. Vol. 28. No. 1. P. 177—212. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1972.tb00010.x>.
- Kohlberg L. (1976) Moral Stages and Moralization: The Cognitive-Developmental Approach. In: Lickona T. (ed.) *Moral Development and Behavior: Theory, Research, and Social Issues*. New York, NY: Holt, Rinehart, and Winston. P. 31—53.
- Köbis N. C. (2018) The Psychology of Corruption. A Doctoral Thesis. Utrecht: Kurt Lewin Institute.
- Rest J., Cooper D., Coder R., Masanz J., Anderson D. (1974) Judging the Important Issues in Moral Dilemmas: An Objective Measure of Development. *Developmental Psychology*. Vol. 10. No. 4. P. 491—501. <https://doi.org/10.1037/h0036598>.
- Schur E. M. (1969) *Our Criminal Society: The Social and Legal Sources of Crime in America*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Tubbs M. E., Ekeberg S. E. (1991) The Role of Intentions in Work Motivation: Implications for Goal-Setting Theory and Research. *The Academy of Management Review*. Vol. 16. No. 1. P. 180—199. <https://doi.org/10.2307/258611>.
- Vitell S. J., Paolillo J. G. P., Singh J. J. (2005) Religiosity and Consumer Ethics. *Journal of Business Ethics*. Vol. 57. No. 2. P. 175—181. <https://doi.org/10.1007/s10551-004-4603-x>.
- Williamson O. E. (1985) *The Economic Institutions of Capitalism: Firms, Markets, Relational Contracting*. New York, NY: Free Press; London: Collier Macmillan.
- Wilson J. Q., Kelling G. L. (1982) Broken Windows: The Police and Neighborhood Safety. *Atlantic Monthly*. Vol. 249. No. 3. P. 29—38.
- Zey-Ferrell M., Weaver K. M., Ferrell O. C. (1979) Predicting Unethical Behavior among Marketing Practitioners. *Human Relations*. Vol. 32. No. 7. P. 557—569.
- Zitha H. E., Mathebula N. E. (2015) Ethical Conduct of Procurement Officials and Implications on Service Delivery: A Case Study of Limpopo Provincial Treasury. *Public and Municipal Finance*. Vol. 4. No. 3. P. 16—24.

Приложение 1

Респонденты фокусированного интервью

Профессиональные группы	Размер группы, чел.	Основные характеристики респондентов: возраст (лет), пол, опыт работы в статусе (лет)	Обозначение в тексте
Региональные омбудсмены	4	50, жен., 4	PO1
		53, муж., 5	PO2
		62, муж., 6	PO3
		47, жен., 3	PO4
Адвокаты	4	53, муж., 7	A1
		56, муж., 5	A2
		60, муж., 12	A3
		59, муж., 7	A4
Бывшие государственные служащие как федерального, так и регионального уровней	4	62, жен., 19	БГ1
		66, муж., 32	БГ2
		68, жен., 34	БГ3
		68, жен., 25	БГ4
Государственные служащие федерального уровня, осуществляющие надзор в сфере антикоррупционной деятельности	4	44, муж., 20	КН1
		42, муж., 14	КН2
		48, муж., 23	КН3
		35, муж., 12	КН4